

na skutek działania złego splotu okoliczności zmienił się we wroga, jak wcześniej na gruncie religijnym unita. Dobitnie obrazuje to chociażby anonimowy utwór *Глаголет Польща*, czy wiersz Łazarza Baranowicza *Русин до поляка щось по-польську балака* : «Я б радів лиш, ляше-brate, // Коли б руську вмів ти знати, // Щоб вернулися часи ті, // Як ходили турка бити, // І святий гнів на турчина // Єднав ляха і русина. // Схаменись, вернись до згоди, // Загаси пожар незгоди!» [8].

Список використаної літератури

1. Gruchlik H. Inność a obcość w kontekście filozoficznym [Електронний ресурс] / H. Gruchlik. // *Anthropos?*. – 2007. – Nr 8–9. – Режим доступу : <http://www.anthropos.us.edu.pl/anthropos5/texty/gruchlik.htm>
2. Burszta W. *Antropologia kultury* / W. J. Burszta. – Poznań : Zysk i S-ka Wydawnictwo, 1998. – S. 189.
3. Nowicka E. *Wprowadzenie. Poznawanie swojskości i obcości* / E. Nowicka, J. Nawrocki (red.) *Inny-Wróg Obcy*. – Warszawa : Oficyna Naukowa, 1996. – S. 262.
4. Simmel G. *Socjologia* / G. Simmel ; przełożyła M. Łukasiewicz ; wstęp S. Nowak. – Warszawa : PWN, 1975. – S. 530.
5. Szacka B. *Wprowadzenie do socjologii* / B. Szacka. – Warszawa : Oficyna Naukowa, 2003. – S. 425.
6. *Давня українська література : хрестоматія* / упоряд. М. М. Сулима. – К. : Рад. шк., 1991. – С. 572.
7. *Українська література XIV–XVI ст.* / ред. В. Л. Микитась. – К. : Наук. думка, 1988. – С. 600.
8. *Українська література XVII століття* [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://litopys.org.ua/>

УДК 821.162.1-31.091+821.161.1-31.091

*Алла Камалова,
Ярослав Стрыхарски*

ДОЖДЬ В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

В статье на примере русских и польских поэтических текстов исследуются образные парадигмы, представляющие художественный концепт ‘дождь’, и выявляется содержание концепта. Базой выявления образных парадигм является фрейм «дождь».

Ключевые слова: художественный концепт, картина мира, образная парадигма, поэзия, дождь, концептуализация.

Камалова А., Стрихарський Я. ДОЩ у російській та польській поезії.

У статті на матеріалі російських і польських поетичних текстів досліджено образні парадигми, які представляють художній концепт *дощ*, і виявлено зміст концепту.

Ключові слова: художній концепт, картина світу, образна парадигма, поезія, дощ, концептуалізація.

Kamalova A., Strykharskyi Ya. RAIN in Russian and Polish Poetry. Image paradigms, which present literary concept Rain and show concept contents, are investigated on the material of Russian and Polish poems.

Key words: literary concept, world picture, image paradigm, poetry, rain, conceptualization.

Постановка научной проблемы и её значение. В последние десятилетия художественный текст является предметом изучения различных областей знания – литературоведения, лингвистики, психологии, философии, культурологии, когнитивистики. При этом наблюдается взаимодействие этих знаний, что способствует формированию специфических научных дисциплин – когнитивной лингвистики, когнитивной поэтики, психопоэтики, интерпретационной лингвистики и т. д. Подобное взаимодействие вызвало потребность в единице, сводящей воедино результаты различных познавательных процессов. Такой единицей стал *художественный концепт*. Несмотря на достаточно длительное употребление этого термина (введен в научный оборот в 1928 г. философом С. А. Аскольдовым-Алексеевым), общепризнанного его определения не существует. Объем и содержание дефиниции термина *концепт* варьируются в зависимости от того, какая наука его интерпретирует (см., например, в [1; 2]).

Множество точек зрения на концепт и на понимание его содержания и структуры говорит о сложности этого явления, а также о том, что теория художественного концепта находится в стадии формирования. Не ставя перед собой задачи определения данного термина, отметим его важнейшие признаки. Художественный концепт выделяется в качестве наиболее универсального элемента системы смысла художественного текста, поэтому он является предметом анализа лингвопоэтического описания текста. Главная особенность художественных концептов состоит в их индивидуальности и неопределенности возможностей. Подход к тексту с позиций лингвопоэтики и когнитивной поэтики позволяет сосредоточить внимание на языковой стороне текста и на понимании текста читателем / интерпретатором,

что дает возможность описывать функционирование художественного слова в языковом, эстетическом, культурном и когнитивном аспектах.

Материал исследования и методические приемы описания художественного концепта. Материалом исследования является выборка русских и польских поэтических контекстов, содержащих слово *дождь* или его синонимы, а также описания дождя. Приемы изображения дождя в художественной речи следует соотносить с конкретным эстетическим течением, культурной традицией времени создания поэтического текста и т. д. Естественно, что в рамках данной статьи невозможно представить все исследовательские шаги и описать объемный материал, требующий цитирования. Мы пошли по иному пути: к описанию привлекаются тексты разных авторов, принадлежащих к разным эпохам и эстетическим течениям. Основной задачей было выявить ведущие приемы, используемые при описании дождя. Полагаем, что в результате будут обнаружены отдельные факты, хаотично представляющие русскую и польскую поэтическую картины мира, что может стать базой для дальнейших научных поисков по формированию структуры и содержания концепта 'дождь' в русском и польском культурном пространстве. Полагаем, что при подобном подходе необходимо разработать когнитивную базу, на основе которой будут интерпретироваться и сравниваться контексты. С этой целью считаем возможным моделировать структуру концепта в виде фрейма – это список возможных вопросов, которые можно задать относительно дождя. Далее приводятся вопросы и общий ход рассуждений о дожде, выявляющий как языковую, так и художественную базу создания образа дождя:

Когда идет дождь? – (Лето, весна, осень, зима).

Где идет дождь? – (Город, лес, степь, море и под.).

Как начинается дождь? – (Небо, атмосфера, температура и под.)

Какой бывает дождь? – (Сильный, очень сильный, умеренный, слабый, в виде мельчайших брызг, с туманом, с ветром, со снегом, теплый, холодный и под.).

Как долго идет дождь? – (Длительно, не длительно).

Каковы проявления дождя? – (Зрительные, звуковые, тактильные, обонятельные).

Каковы свидетельства дождя? – (Почва, вода, листва деревьев и трава, асфальт, зонты и под.).

Каковы последствия дождя? – (Растения, животные, человек).

С чем сравнивается дождь? – (Человек, животные, предметы и под.).

Анализ контекстов не предполагает строгого следования данным вопросам, они лишь очерчивают общее направление описания дождя и помогают выявить, какие из знаний о дожде актуализируются в контекстах.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Природа едина, но обнаруживает себя в разнообразных факторах. Познавая природу, человек пытается осознать как ее единство, так и ее многообразие. Абстрагирующая и обобщающая мыслительная деятельность многомерна и проявляется в наличии знаний, условно соотносимых с действительностью, – абстрактных: ‘осадки’, ‘движения воздушных масс’, ‘температура’, ‘световое состояние’, и в наличии денотативных противопоставленных значений, соотносимых с прототипическими ситуациями и детерминированных действительностью природных сил: *weter / безветрие, влажно / сухо, тепло / холодно, ясно / пасмурно; wietrznie / zacisznie, bezwietrznie, wilgotno / sucho, ciepło / zimno, pogodnie / pochmurno*. Языковые структуры знаний в данном случае соотносятся с научными знаниями, что отражается в общей терминологии (*погода, осадки, температура; pogoda, opady, temperatura*). Дальнейшая концептуализация принадлежит собственно языковой деятельности: денотативная база данного лексико-семантического объединения отражает природные явления, получившие закрепление в знаках конкретного языка, она представляет систему природы в наивной картине мира. И особенность каждого языка заключается в грамматическом, лексическом и номинативном разнообразии при описании погоды. Л. В. Щерба считал, что «достоинство отдельных литературных языков определяется прежде всего наличием средств выражения...» [3]. Однако языковой и художественный концепты имеют различный объем. Разнообразие концептуальных, сценических и сценарных отношений прототипа «дождь» в художественной литературе является источником для характеристики, оценки, сравнений. Обратимся к интерпретации контекстов о дожде, выявленных в русской и польской поэзии.

1. *Льет без конца. В лесу туман. / Качают елки головою: «Ах, боже мой!» – Лес точно пьян, / Пресыщен влагой дождевою* (Бунин). Соответственно вышеприведенным вопросам, обнаруживаем следующие смыслы: ‘дождь в лесу’, ‘длительный дождь’. Подобный дождь

возможен осенью или летом при затянувшемся ненастье. Основной признак – ‘длительность’ – выражается общеязыковой формулой *лить без конца*, а также поддерживается индивидуально-авторским образом *лес точно пьян*. В четверостишии представлены все атрибуты затянувшегося дождя в лесу: *туман, дождевая влага, лес, точно пьяный* (отяжелевшие от влаги деревья начинают клониться). В данном контексте художественный образ создается путем обращения к визуальным наблюдениям последствий длительного дождя.

И если тема «продолжительный и обильный дождь» в приведенном контексте раскрывается путем описания деревьев, то в польском стихотворении обнаруживаем подобную тему, которая развертывается с помощью описания неба, атмосферы. *Na piętra gór, na ciemny bór / Zastony spadły sine, W deszczowych łzach granitów gmach / Rozpłynął się w równinę. / Nie widać nic – błękitów tło / I całe widnokregi / Zasnute w cień, zalane mgłą, Porżnięte w deszczu pręgi...* (Asnyk). В данном контексте описывается дождь в горах. Актуализаторами значений ‘продолжительный’ и ‘обильный’ являются словосочетания *zastony spadły sine, nie widać nic* и др. Длительность дождя представляется также с помощью повторов: *O szyby deszcz dzwoni, deszcz dzwoni jesienny* (Staff), где наблюдается повтор словосочетания *deszcz dzwoni*, но в стихотворении повторяется также данная фраза (всего 5 раз).

2. Следующие контексты посвящены осеннему дождю: *Льет дождь, холодный, точно лед, / Кружатся листья по полянам, / И гуси длинным караваном / Над лесом держат перелет* (Бунин), в нем представлены актуализаторы осени – *листья, гуси, караван, перелет* и свойства дождя – *лет, холодный*. Автор обращается к частотному сравнению *точно лед*.

В стихотворении польского поэта Леопольда Стаффа «Осенний дождь»: *O szyby deszcz dzwoni, deszcz dzwoni jesienny / I pluszcze jednaki, miarowy, niezmienny, Dżdżu krople padają i tłuką w me okno... / Jęk szklany... płacz szklany... a szyby w mgle mokną / I światła szarego blask sączy się senny... / O szyby deszcz dzwoni, deszcz dzwoni jesienny...* – темпоральная характеристика дождя заложена в самом названии стихотворения, в синтагме *deszcz dzwoni jesienny*. Образ осеннего дождя реализуется за счет вторичных смыслов, сравните: «веселый летний дождь» и «грустный осенний дождь». Образ осеннего дождя создается путем обращения к настроению лирического героя.

Замечено, что сезонная характеристика дождя может быть представлена путем установления ближайших и дальнейших ассоциативных рядов: *осень – дождь – перелет птиц* и под. (ближайшие ассоциации), *осень – дождь – настроение лирического героя* (дальнейшие ассоциации).

3. Контексты о дожде русских авторов выявляют, что наиболее частотными топосами при описании дождя являются лес, нива, например: *О дево / Мария! – / Поют небеса. – / На нивы златые / Пролей волоса* (Есенин), встречаются также город, горы: *На город хлестнула холодная сеть* (Анненский), *Ливня июньского мокрые плети падают в горы* (Межиров).

Для польской поэзии также характерно разнообразие топосов, это лес: *Kiedy deszcz chłodny pada wchodzę między drzewa* (Iwaszkiewicz), город: *deszcz w Krakowie deszcz / pada na wawelskiego smoka na kości olbrzymów / na kopiec Kościuszki / na pomnik Mickiewicza na szal Podkowińskiego na pana Dulskiego / na hejnał z wieży mariackiej* (Różewicz), горы: *Na szczytach Tatr, w dolinach Tatr / Mrok szary i ulewa* (Asnyk), море: *Na klawiszach fal grają / krople deszczu / w sonacie* (Baczyński).

4. Сценарий дождя позволяет описывать его относительно места появления и места проявления – соответственно оппозиции 'верх / низ': *Проливные с неба слезы / Ливнем льются* (Асеев); *Вот капля, как шляпка гвоздя, / Упала – и, сотнями игол / Потопы прудов бороздя, / Сверкающий ливень запрыгал* (Бунин).

Пример, в котором выявляем актуализацию места проявления дождя встречаем в польской поэзии: *Na piętra gór, na ciemny bór / Zastony spadły sine* (Asnyk), *Dżdżu krople padają i tłuką w me okno...* (Staff). Однако необходимо отметить, что как в польских, так и в русских произведениях контексты с глаголами *упасть, padać* могут интерпретироваться двояко, так как семантика данных слов предполагает движение сверху вниз.

5. В русском языке дождь как явление описывается с помощью языковой, стертой, метафоры *дождь идет*. В художественной речи активно употребляются метафорические глаголы, с помощью которых выражаются различные свойства дождя: *пробежал, простучал, подкосил, примял*. Подобные глаголы позволяют добиться синестезии при создании образа, одновременно создается зрительный и звуковой

образ, при этом оживляются знания читающего о разновидностях дождей и их последствиях (примять траву может только сильный дождь – *ливень*, подкосить – дождь с ветром и т. д.). Этот прием активно используется Сергеем Есениным, например: *Проплясал, проплакал дождь...*

В польской поэзии при характеристике дождя также используются глаголы с метафорическим значением: *lunąć, chluśnąć, rozpluskać, rozlać, dziobać*, например: *Chciałyby ulewą lunąć w gromkiej burzy, / Miasto siec na ukos chlustającą chłostą, / W rynnach się rozpluskać, rozlać się w kałuży / Szyby dziobać łzawą i zawilą ospą* (Tuwim).

6. В поэзии дождь обычно активный персонаж. Есенин пишет о нем как о дворнике: *Дождик мокрыми метлами чистит / Ивняковый помет по лугам* (образ дождя с ветром). К дождю как активному субъекту возможно обращение: *Дождик, дождик, полей нашу рожь!* (Есенин).

Таким образом дождь предстает в образе одушевленного существа, которое *чистит, плачет, сылет* и под. Эти ассоциации рождаются на базе когнитивных метафор. Для художественной речи характерны определенные образные парадигмы, используемые при описании дождя. «Каждый поэтический образ, – пишет Н. В. Павлович, – существует не сам по себе, он не случаен, не обусловлен только данным контекстом, а реализует некоторую «вечную идею», модель, образец, инвариант, или, как будем говорить дальше, парадигму. Понять образ означает узнать эту «вечную идею», а точнее, узнать некий смысловой закон, или парадигму» [4]. Отметим, что основные парадигмы образного языка русской литературы XVIII – XX веков изучены, однако не решен вопрос частного проявления образных парадигм. Рассмотрим это на примерах.

На восприятие и описание дождя влияет так называемая «точка наблюдения»: дождь можно наблюдать из позиции «сбоку», например, из окна, или глядя вниз, под ноги, на воду, глядя вверх, или сверху, или из позиции «под дождем». Так, например, вид сбоку позволяет сравнивать дождь с нитями. Образная парадигма «падающие капли дождя → нити» характерна для русской поэзии: *Ветер, рыдая, прядет / тонкие нити дождя* (Волошин). На базе этой парадигмы возможно ее дальнейшее развитие: падающие капли → нити → волосы: «*О дево / Мария! – / Поют небеса. – / На нивы златые / Пролей волоса*» (Есенин). Этот пример интересен как своей

образністю, так і зв'язью з древніми, дохристиянськими представленнями о природі, о язическом божестві.

В польській поезії обнаруживаємо сходний образ, реалізуючийся в парадигмі «дождь → струны»: *Taki deszcz kocham, taki szelest strun, / deszcz - życiu zmiłowanie* (Вачуїнський).

«Тенденція к гіперболізації образів определяє характер розвитку деяких інших синонімічних рядів» [5] – *плеть, жгут, сбруя, сеть*: *Ливня июньского мокрые плети падают в горы* (Межиров); *И расхаживает ливень с длинной плеткой ручьевой* (Мандельштам); *дождик толст как жгут* (Маяковский). Вниманіе наблюдателя акцентується на окремих падаючих струях, сукупності струй.

І в російській і в польській поезії виявляємо парадигму «дождь → сеть»: *На город хлестнула холодная сеть* (Анненський); *Chciałyby ulewą lunąć w gromkiej burzy / Miasto siec na ukos chlustającą chłostą* (Тувім). Подібне порівняння не дозволяє неоспоримо встановити точку спостереження (огляд знизу вгору або зверху вниз). Далішня гіперболізація образу отримує розвиток в парадигмі «дождь → завеса (штора, покрив)», де точкою спостереження являється вид зверху. Наприклад, у польських авторів: *Na piętra gór, na ciemny bór / Zastłony spadły sine* (Аснык). Цей образ отримує далішнє розвиток в парадигмі «дождь → плащ»: *Rozpostarł z mgły utkany płaszcz / I rosę z chmur wyciska* (Аснык).

Вид зверху як точка спостереження отражена в наступних прикладах: *Милый дождик, мелкий, меткий, / золотой, веселый, ранний, / сыплет звонкие монетки / на асфальтовые грани* (Чичибабін). В цьому контексті дождь функціонує в образній парадигмі, представленій «в своєму слабому проявленні»: «дождь → деньги». Оригінальну парадигму – «капля дождя → шляпка гвоздя», «дождь → иглы» обнаружили у Бунина: *Вот капля, как шляпка гвоздя, / Упала – и, сотнями игол / Потопы прудов бороздя, / Сверкающий ливень запрыгал, – / И сад зашумел от дождя*. В даних контекстах виявляється не тільки інша точка спостереження, але також реєструються візуальні і слухові образи, вони воссоздають той фрагмент сценарія «Дождь», коли падаюча капля соприкасається з різними видами поверхностей (вода, асфальт і под.).

Представим крупні краплі дождя, упавші на пильну неасфальтовану дорогу. Вони оставляють вмятини, оспинки на теле

земли. Именно такой образ выявляем в стихотворении Юлиана Тувима «*Kapusińszek*»: *Szyby dziobać łzawą i zawilą ospą...*

Традиционной для русской поэзии является парадигма «дождь → слезы»: *Проливные с неба слезы / Ливнем льются* (Асеев), получающая дальнейшую концептуализацию в глаголах *плакать, рыдать: Проплясал, проплакал дождь* (Есенин); *Изрыдалась осенняя ночь ледяными слезами* (Фет). Дальнейшее эстетическое освоение слов слеза, роса, дождь реализуется в парадигме «капля → жемчуг».

Сравнение дождя со слезами, с плачем характерно и для польской поэзии: *Jęk szklany... płacz szklany... / a szyby w mgle mokną* (Staff); *Na klawiszach fal grają / krople deszczu w sonacie; / w płacz się mokry stapiają / na klawiszach fal grają* (Baczyński); *W deszczowych łzach granitów gmach / Rozpłynął się w równinę* (Asnyk)

Парадигмы “дождь → плач”, “дождь → слезы” порождает ряд ассоциаций – боль, страдание, жалость, что обнаруживаем в произведениях польских поэтов, например: *Deszcz jest jak litość – wszystko zetrze* (Baczyński). Парадигма «дождь → боль» может получить развитие в образе предмета, с помощью которого наносится боль – кнут, плеть, коса. Примеры парадигмы «дождь → кнут» и под. приводились выше, где они ассоциировались с визуальной характеристикой дождя, но данная парадигма может трактоваться и в ином понимании. Гиперболизацию подобного образа (дождь как коса) выявляем в следующем контексте: *I przejdą deszcze, zetną deszcze, / jak kosy ciche i bolesne* (Baczyński).

Отметим частотность тактильных образов дождя в польской поэзии, например: *I tylko krople, deszcze, deszcze / coraz to cichsze, bezbolesne* (Baczyński). Выявляется частотный для польских текстов глагол для описания проявлений сильного дождя – *siec*, благодаря которому создается синестезированный образ: действие *seć* предполагает следующую ситуацию: то, что секут, то, чем секут (кнут, плеть, прут и под.), соответствующие действия, звуки, результат. Примеры употребления этого глагола находим в стихах Юлиана Тувима: *Chciałyby ulewą lunąć w gromkiej burzy / Miasto sieć na ukos chlustającą chłostą*, Кшиштофа Бачиньского: *Dyszy morze pochmurnie / krople sieką / w zatracie*, Адама Асныка: *I siecze deszcz, i świszcze wiatr*.

Выводы. Описание дождя как явления природы, как состояния атмосферы актуально для русской и польской поэзии. Художествен-

ный концепт 'дождь' воплощается во множественных образных парадигмах, при этом выявляются различные частные представления о дожде. В русской и польской поэзии обнаружены схожие парадигмы, что может быть объяснено свойствами описываемого явления. Отличия выявляются на уровне дальнейшего развития образных парадигм (например, «дождь → боль / эмоции»). Данная статья не предполагала выявление особенностей в структуре и содержании художественного концепта 'дождь' в русской и польской поэзии, в рамках статьи это невыполнимо.

Скромный во всех отношениях поэтический материал, привлекаемый для анализа, позволил, однако, обнаружить пути и принципы концептуализации дождя в русской и польской поэзии. Отметим важную роль глагольной лексики в создании художественного образа, в использовании широкой ассоциативной базы при создании образа дождя. «В ЛС (лирический сюжет. – А. К.) разрешается сопоставлять и соизмерять все со всем. Принцип «восхождения» от миропонимания к миропониманию – основной принцип организации языкового материала в ЛС» [6]. Именно этот процесс наблюдался и описывался в данной статье.

Список использованной литературы

1. Краткий словарь когнитивных терминов. / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М. : [б. и.], 1996. – С. 90.
2. Воркачев С. Г. Лигвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2005. – № 4. – С. 76.
3. Щерба Л. В. Современный русский литературный язык / Л. В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. – М. : [б. и.], 1957. – С. 70.
4. Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н. В. Павлович. – М. : [б. и.], 1995. – С. 28.
5. Очерки истории русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. – М. : [б. и.], 1995. – С. 36.
6. Синельникова Л. Н. Лирический сюжет в языковых характеристиках / Синельникова Л. Н. – Луганск : Ред.-изд. отдел облуправления по печати, 1993. – С. 168.